

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК: 821.161.1

ВЫБОР ЖИЗНЕННОГО ПУТИ В РОМАНЕ Е. С. ЧИЖОВОЙ «ТЕРРАКОТОВАЯ СТАРУХА»

© *Берёзкина Елена Петровна*

кандидат филологических наук, доцент,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6
E-mail: beryozkina-lena@yandex.ru

© *Григорьева Людмила Григорьевна*

учитель русского языка и литературы,
МБОУ «Туркинская СОШ» Прибайкальского района Республики Бурятия
Россия, Прибайкальский район, с. Турка, ул. Школьная, 57/4
E-mail: grig-ig@mail.ru

В статье рассматривается выбор жизненного пути героиней романа современной писательницы Елены Чижовой «Терракотовая старуха». Вначале дается объяснение символическому названию произведения через гротескный образ статуэтки древнегреческого периода. Рассматривается семантика двух эпитафий, отсылающих читателя к русским классикам: Ф. М. Достоевскому и Л. Н. Толстому. Раскрывается образ Татьяны — учителя русского языка и литературы, человека, воспитанного на высоких духовных ценностях русской литературы, осознающего важность слова и его воздействия на людей. Исторические и жизненные условия не раз ставили ее перед выбором: стать победителем — «виннером» или проигравшем — «лузером», потерять или сохранить совесть. Прослеживается изменение гендерных ролей главной героини. Но каждый раз определяющим для нее становился нравственный выбор, сделанный героями русской классики, изображенными А. С. Пушкиным и Ф. М. Достоевским.

Ключевые слова: роман Е. С. Чижовой «Терракотовая старуха», нравственный выбор, русская классика, интертекстуальность, психологизм, рефлексия, духовные ценности.

Появление большого количества авторов-женщин в русской литературе конца XX — начала XXI века дало возможность широко изобразить женские характеры и их жизненные пути. Уже в 80-е годы XX века «женская проза», как самостоятельное литературное направление, заявила о себе. В ней были подняты новые, оригинальные темы, изображены модели поведения, утверждающие право женщины на самоопределение, на самостоятельный и свободный выбор, на что указывают в своей работе М. П. Абашеева и Н. В. Воробьева [1]. Данный проблемно-тематический вектор объединяет писательниц, творивших на рубеже веков: М. Вишневецкую, Н. Садур, Л. Петрушевскую, О. Славникову, В. Токареву, Т. Толстую, Л. Улицкую, Г. Щербакову. Обостренное восприятие несправедливости, жестокости, царящих в современном мире, определило необходимость изображения писательницами нравственного поиска героинь.

В ряд именно таких авторов вписывается творчество Е. С. Чижовой — романиста, эссеиста и переводчика, автора популярных прозаических произведений.

Она отдает явное предпочтение романному жанру: «Крошки Цахес» (2000), «Лавра» (2002), «Время женщин» (2009), «Терракотовая старуха» (2011), «Китаист» (2016) и некоторые другие. В декабре 2009 г. писательница стала лауреатом премии «Русский Букер» за роман «Время женщин».

Творчество Е. Чижовой постоянно находится в поле внимания критиков и литературоведов (Л. Аннинского, С. Белякова, И. Булкиной, Е. Елагиной, А. Немзера, Л. Панн, Е. Погорелой), оценивается неоднозначно, что вполне объяснимо интеллектуальной сложностью, психологизмом, интертекстуальностью ее романов. Достаточно много и подробно исследован роман «Время женщин», например, с точки зрения петербургского текста его рассматривала Н. Г. Бабенко [2]. А. Воронцов в «Литературной газете» при обсуждении произведений финалистов премии «Русский буккер — 2009» критически отозвался о произведении Е. Чижовой [3]. О многих мирах, их сосуществовании и пересечении писала в исследовательской статье Ю. Г. Пыхтина [4]. Проблему памяти и беспамьяства в произведениях Е. Чижовой и Славниковой рассмотрели Г. А. Фролова и Т. Г. Прохорова [5].

Е. Погорелая в статье «В поисках озвученного времени» считает характерной чертой прозы Е. Чижовой особый язык лирического повествования, который «балансирует на грани гротеска, потока сознания и исторического описания советского времени» [6, с. 256]. Также критик обращает внимание на звучание слов: «это своеобразный «процесс рождения слова из немоты»; на особенности отражения чувств и времени: время в прозе Е. Чижовой не является категорией прошлого, оно не заключено в каком-либо человеческом образе, оно «вечно переживаемое» и «болезненное настоящее» [6, с. 267]. «На страницах романов мы видим ощущение неотвратимой несправедливости мира, одиночество, отверженность, человеческий ропот и «мысль о звучащем времени, рассказанную голосами своих жертв и свидетелей» [6, с. 268]. Высоко оценивает творчество писателя критик И. Булкина, которая в статье «Время Чижовой» 2011 г. отмечает, что признание ее имени в полной мере объяснимо — она пишет «добротную» прозу, «достойную букеровских номинаций на редкость» [7].

Предпримем попытку рассмотреть роман Е. Чижовой «Терракотовая старуха» с точки зрения выбора героиней жизненного пути, нравственных ценностей и приверженности лучшим традициям классической литературы.

Название произведения необычно тем, что в нем акцентировано внимание на статуэтке древнегреческого периода — гротескном изображении просящей подавание толстой и уродливой старухи с большим животом. Героиня романа Татьяна увидела статуэтку в Эрмитаже, и это произвело на нее сильное впечатление. В дальнейшем Татьяна часто возвращается мыслями к данному образу и пытается через его призму понять саму себя.

Представляется, что в образе терракотовой старухи заключен глубокий символический смысл: беременная — дарующая жизнь, несущая в себе обновление, но старуха не способна родить живого ребенка; рука, просящая милостыню, — как вымаливающая у Бога судьбу, но не услышанная. Можно сказать, проблема выбора начинается с названия романа: Татьяна ощущает себя терракотовой старухой, вынашивающей в себе ценности русской культуры, транслированные через классику, высокой нравственности, которые некому передать в новом времени.

Роман психологичен, поскольку изображен поток сознания главной героини, которая погружается в себя, в свои мысли, чувства, воспоминания, на это работает и система отражений. Кроме того роман является интертекстуальным, поскольку героиня — преподавательница русского языка и литературы, начитанный человек, мыслит аллюзиями и говорит цитатами из произведений Ф. М. Достоевского, А. С. Пушкина, Ф. И. Тютчева, И. А. Гончарова, Л. Н. Толстого, Н. Г. Чернышевского, А. П. Чехова и других классиков. К рассмотрению форм интертекстуальности в романе «Терракотная старуха» обратились Е. В. Терентьева и Е. Ю. Лисова, сделав интересные наблюдения [8].

По постановке проблемы роман философичен, поскольку героиня решает важную проблему, кто же она — виннер (победитель) или лузер (проигравший)? Вопросы заключены и в названиях глав: «Убили или убил?», «Помогла бы или не помогла?», «Убил?.. Зачем?», «Откуда нам было знать?» — риторические вопросы, заданные в них, не имеют однозначного ответа.

Роману предпосланы два эпиграфа. Первый взят из Ф. М. Достоевского: «Да, и теперь кто-то стучится, кто-то, новый человек, с новым словом — хочет отворить дверь и войти... Но кто войдет — вот вопрос...». Вновь есть выбор: войти или не входить, впустить или не впустить, достоин или не достоин?

Вторым эпиграфом является цитата из Л. Н. Толстого: «Какая бы хорошая, нужная и великой важности работа была бы — народный самоучитель, с правильным распределением знаний по их важности и нужности». Эта фраза из дневников и записных книжек писателя 1910 года. Самоучитель в виде совести, возможен ли он для российского среднестатистического человека, живущего в XXI веке? Чем дальше герои от времен чтения классической русской литературы, тем дальше и от совести. Сама Татьяна ощущает себя пережитком прошлого: «Единственное, что мне осталось, — рудимент. Копчик. Пережиток хвоста, который нужен, чтобы сохранить равновесие» [3, с. 412]. И здесь уже выбора нет, поэтому, завершая роман, Чижова с иронией пишет: «Терракотная старуха, отраженная в витрине, хохочет, разевая рот» [там же].

В романе изображается сложное время перестройки 1990-х годов. Главная героиня в прошлом — вузовский преподаватель русской литературы, кардинально сменивший работу, ставший менеджером, а потом репетитором по русскому языку. Как бы ни жила Татьяна, любимые ею собрания сочинений всегда «в красном углу», а идеалы неизменны. Литературные реминисценции и ассоциации искусно вплетены автором в каждый эпизод, поскольку «прошлое не сбросить как змеиную кожу». Классика пронизывает текст на разных уровнях его организации.

Бизнес, в котором оказывается героиня в бурные 90-е с их «войной» на выживание, связан с производством финской мебели. Татьяна становится на некоторое время помощником генерального директора, а затем выходит из бизнеса. Но даже спустя 20 лет героиня пытается понять, кто она: виннер или лузер?

Она осознает, что тот мир, который создавали в 90-е годы, не оставил места ни для чего человеческого — ни для ее прошлого, ни для полноценных взаимоотношений с детьми, друзьями, родными. Татьяна воспринимает такую жизнь как чудовищную, в которой все подчинено расчету, обезличиванию. Лишними в этом случае оказываются человеческие чувства, привязанности, мечты, не свя-

занные с какими-то материальными ценностями, — любые идеалистические порывы, любая возможность сопереживания.

Автор романа изображает ситуацию выбора, перед которой оказывается каждый герой, ситуация выбора рефлексивно осмысливается Татьяной. Она преподаватель русского языка и литературы, выросшая в интеллигентной семье, в которой ценили мир мысли, мир русской классики: «Отец говорил: «Цель должна быть высокой. Интеллигентный человек должен ставить такие цели, к которым надо идти всю жизнь» /.../ Я уверена, мои родители были счастливы. Пролетарии умственного труда» [3, с. 48–49]. Классическая литература стала для родителей некой защитной спасительной стеной от превратностей советского времени, долгое время за этой стеной оставалась и сама Татьяна.

Закономерно, что имя героине выбирали по роману Пушкина: «Вершина мироздания — «Евгений Онегин». Когда я родилась, вопрос встал ребром: Ольга или Татьяна? Об этом мама рассказывала так, как будто та и другая были моими бабушками» [3, с. 50]. «Для моих родителей Пушкин не был богом. С ним можно было поговорить, посоветоваться, выбрать имя для новорожденной дочери. Потому что он прислушивался к миру» [3, с. 51]. Героиня упоминает об известной отзывчивости Пушкина на мировые проблемы в целом и отдельного человека, в частности, что давало возможность быть духовно цельной личностью, не жить ложными идеалами, а помнить о высшей свободе в выборе пути. Образ Пушкина и его роман «Евгений Онегин» становятся своеобразной проекцией биографии героини и оригинальным инструментом исследования ее судьбы.

Сначала в ее жизни все складывалось удачно: она окончила университет, осталась работать на кафедре русского языка, защитила кандидатскую диссертацию по словообразованию, вышла замуж за историка, аспиранта-очника, родила дочь. Возможно, так и прошла бы ее жизнь размеренно и строго, как по нотам, но «лихие 90-е» принесли значительные изменения. Героиня разошлась с мужем, интеллигентом-неудачником, не способным обеспечить семью, неожиданно получила предложение перейти на работу в частную фирму, сменить университет на бизнес. Бывший архитектор, нынешний миллионер Евгений Фридрихович занимался изготовлением диванов. «Татьяна и Евгений» [3, с. 84] — так расценила героиня появление этого человека в своей жизни, вновь по Пушкину, поэтому согласилась безоговорочно и без вариантов.

Новая эпоха открыла, с одной стороны, невиданные возможности, с другой — поставила перед выбором «стать победителем-зверем или проиграть свою собственную жизнь, оставшись овцой?» [3, с. 86].

В начале работы в фирме Фридриха Татьяна задается вопросом: «Неужели хотел испытать? Убедиться, что наши ответы сходятся. Понять, что я за зверь. Домашнее животное или... готова сражаться, потому что помню, как пахнет кровь? Те, кто не помнят запаха крови, становятся жертвами. В животном царстве это называется цепью питания. Такая естественная иерархия: выигрывает тот, кто окажется наверху» [3, с. 92]. Так, странным образом филолог начинает рассуждать как биолог. Жизнь на выживание безнравственна, но самосохранение в обществе, предавшем и растоптавшем человеческое достоинство, необходимо, это лучше, чем смерть. Героине необходимо было выиграть, оказаться если не наверху, то и не внизу, где можно было погибнуть.

Татьяне пришлось не только сменить род деятельности, но и создать новый тип семьи, в которой не было мужчины, а были две бывшие одноклассницы, подруги, разведенные женщины с детьми. В их взаимоотношениях происходит странное гендерное распределение ролей: подруга Яна берет на себя роль домохозяйки, жены, а Татьяна, зарабатывая деньги и отдавая их подруге, возвращаясь поздно, порою за полночь, выполняет роль «мужа». «О цене я не спрашивала. Мое дело — заработать. Отдавала все, до последней копейки. Как хороший совковый муж» [3, с. 151]. В другом месте Татьяна так описывает их отношения: «Она встречает меня в дверях. Не было случая, чтобы легла, не дождавшись. Вывод: мне попала хорошая жена. Я стараюсь соответствовать, быть хорошим мужем. Возвращаясь с работы, хорошие мужья не сидят, уткнувшись в тарелку: делятся последними новостями» [3, с. 297].

По работе Татьяне приходится часто договариваться с компаньонами, конкурентами, госструктурами. Так, ей надо решить проблему в торгово-промышленной палате, чтобы в документы вписали не среднюю норму отходов в 22%, а 50%. Автор показывает прежде всего ее мысли, двойное видение проблемы. В ее голове два образа — Фридрих и председатель комиссии палаты, честная женщина, воспитанная в советское время. Если первый говорил о возможности взятки, которую героиня не умеет давать, то вторая, уже столкнувшаяся с подобной ситуацией, не умеет их брать [3, с. 171]. Прокручивая эти мысли, автор создает ситуацию полифонии, внутреннего диалога взглядов, мнений, позиций.

Героиня успевает принять правильное решение, решив тактически уговаривать членов комиссии. Воздействуя на них противопоставлением двух миров — нашего и западного, героиня использует идиомы «вынь да положь», «бесятся с жиру» и др., ибо идиомы для соотечественников — «прочная основа взаимопонимания» [3, с. 172]. И ей удается убедить непреклонную комиссию. И эта победа способствует ее самоопределению в новом мире. Ее преимущества — психолингвистический подход, убедительность в доводах, умение чувствовать собеседника и воздействовать на него словом. Не раз она приятно удивляет начальника: «Подписа-али? И в палате, и на таможне? Татьяна Андреевна, но это же, — он смеется, — бред! Сивой кобылы... Бред сумасшедшего...» [3, с. 175]. Автор показывает, что границы дозволенного размыты, утрачивается существование истины, и сделать такое под силу, оказывается, способен человек, хорошо владеющий словом.

Работать Татьяне приходится много, выкладываясь полностью: «Все эти месяцы мы работали как проклятые. Наладили производство. На нынешнем русском языке это называется: поднялись», «Мы просто работаем, бьемся не на жизнь, а на смерть. Хотим, чтобы все получилось. Если у нас получится, начнется другая жизнь» [3, с. 297]. Во всех ее помыслах отсутствует личная нажива (даже квартиры не смогла купить), а проявление энтузиазма направлено на развитие фирмы, бизнеса, т. е. некоего «соборного» общего дела. Героиня Чижовой напоминает «вечную Сонечку», испытывая радость и даже счастье от самоотверженного служения другим людям.

После очередного разговора с бывшим мужем и дочерью героиня признается: «Мы — обломки старого мира, которому Господь дал литературные скрижали» [3, с. 191]. Именно поэтому в определенных ситуациях героиня спасается и вы-

живает и даже творит чудеса данным ей словом, а в другие моменты жизни не может смириться с человеческой подлостью, жестокостью, бесчеловечностью.

Закономерно возникает вопрос: если в ходе биологического развития всегда побеждает сильнейший (и чаще всего безнравственный), то как вообще могла сохраниться и выжить русская интеллигенция? Почему в каждом поколении есть благородные типы, которые не могут поступать жестоко? Когда на фабрике начинают пропадать куски финской кожи для комплектов мебели, Татьяна, как честный и принципиальный человек, берется за расследование. Именно ей доверяет Фридрих это сложное дело. «Я привыкла работать на совесть, отвечать за результаты своего дела» [3, с. 400].

Однако, когда вор был пойман, а им оказался простой работник, который в кабинете директора выглядел как затравленный зверек, на все готовый, со всем согласный, не способный себя защитить: «...зверок, чувший недоброе, смотрел на меня» [3, с. 318]. «Звери, начавшие сами, двинулись след в след. В их глазах ничего не проступало: ни злобы, ни возмущения. Ничего личного. Просто цепь питания. В которой зверь стоит над зверком» (авторское написание — Е. Чижовой) [3, с. 319].

Когда директор отдает приказ поместить вора в холодильник в качестве наказания за сокрытие соучастников, и охранники тащат его, волочашего ноги по полу, Татьяна не выдерживает и встает на защиту и его, и своего человеческого достоинства. Это стало последней каплей, переполнившей чашу терпения, героиня ушла из фирмы, где было возможно так относиться к человеку. Безжалостные, озверевшие, буржуазные методы управления и наказания она принять не может, этому противится весь ее внутренний мир. «Я сделала выбор. Больше не видела Фридриха. Ни-ког-да... Потому что не смогла переступить» [3, с. 406–407]. Роман Чижовой входит в отношения своеобразной антитезы роману Достоевского «Преступление и наказание». Раскольников смог переступить, а Татьяна — не смогла.

Она вынуждена была долгое время мириться с обманом, потому что он был направлен против государственной системы, обманувшей ее, а также остальных русских людей, она могла смириться с жестокостью, когда однажды на нее наставили пистолет конкуренты директора. В отношении самой себя она готова была в этой игре идти до конца и даже стать жертвой, но смириться с унижением чужой личности, грозящей человеку лишением жизни, не могла и не стала. Благородство и честь, воспитанные в ней с детства родителями и русской классической литературой, повлияли на ее выбор, на поступок.

«Выбор Татьяны: увольнение по собственному желанию — в бедность, в прозябание репетитором, в одиночество, в разборки не мафиозные, а — историософские, в выяснение отношений русской истории, русской жизни и русской литературы», — так объясняет этот эпизод романа критик Л. Панн. «...чтобы стать виннером, надо научиться приспособливаться, наступать на горло собственным песням. /.../ Просто они не приспособились. Не пожелали переступить через себя...», — именно так скажет впоследствии подруга о Татьяне и ей подобных [3, с. 324]. Потеря совести, духовных основ была неприемлема для Татьяны, она поступила так, как всегда поступали герои русской классической литературы. Через выбор героини показана идея ответственности человека перед «словом», даю-

щим возможность вопреки диктату времени сохранить нравственные нормы бытия.

Зато в другом месте героиня Чижовой признается: «Я тоже приспособилась. К их безвременью. Моих сил хватило только на то, чтобы укрыться за стеной» [3, с. 412]. Она чувствует себя маленьким человеком, приспособленцем, но сохранившим совесть и человеческое достоинство. Ведь это тоже поступок и выбор, лучший, чем богатство, стыд и укоры совести. Только самой героине беспокойно, ей хочется понять, оценят ли ее поступок дети, молодое поколение. Ответить самой себе: нужна ли была такая жертва?

Постсоветское пространство выглядит мертвым, бездушным, прагматичным, подлым, неприглядно и то, что выросло на его просторах. Детям дали свободу, образование, средства для жизни, но они не оправдали надежд. Детям не нужны идеалы родителей. У них, считает героиня, «постсоветский синдром» — «травмированное сознание» [3, с. 164]. Татьяне больно смотреть на дочь, которая живет материальными ценностями, комфорт и модный стиль для нее важнее разговора по душам. Даже ее внутренний мир оказался не цельным, а только половинчатым. Таким же выглядит ученик Татьяны, с которым она занимается ЕГЭ по русскому языку. Он читает книги, классику, задает глубокие вопросы, и душа героини начинает тянуться к нему, но его окончательным выбором становится футбол, а не литература. Постсоветский человек оказывается духовно мертв. Татьяне горестно осознать, что их поколение было последним из тех, кто принял классику, жил ее ценностями и мог противостоять «свинцовым мерзостям жизни».

Лилия Панн в журнале «Знамя» за 2012 год, давая оценку роману Чижовой, так определяет жанровый признак и структуру произведения: «Терракотовая старуха» — трагедия классического образца под модернистской маской: соблюдены единства места, времени и действия: весь роман, как оказывается, — один день из жизни Татьяны Андреевны, бродящей по Невскому проспекту (очередной «петербургский текст») и вспоминающей, как она эволюционировала в «терракотовую старуху», издевательски хохочущую с витрин бутиков» [4].

Выбор главной героини ясен, но разочарование, признание себя лузером, терракотовой старухой, привносят пессимистическое настроение. А в целом все почти по Пушкину: «Но я другому отдана» — т. е. веку классической русской литературы с ее духовным потенциалом, «И буду век ему верна» — героиня не изменяет этим вечным ценностям и смыслам. Так, для Татьяны, названной по-пушкински, модель жизни и нравственный выбор пути predeterminedены. Ее ценностный мир всегда будет противостоять низменному быту перестроечной эпохи постсоветского времени.

Автор обращает внимание на изломанные отношения женщины, проблему одиночества, необходимость «вгрызаться в этот мир», чтобы обеспечить самым необходимым свою семью. Слом привычных традиций, советского сознания приводит Татьяну к полному разочарованию, она чувствует себя проигравшей, а русскую классику, которую она преподает, видит отвергнутой молодым поколением ради развлечений и материальных благ. Ей тяжело осознать, что она превратилась в немое отражение прошлого, что нравственные ценности, заложенные старшими поколениями, классической литературой, становятся в новом времени музейными экспонатами.

Литература

1. Абашева М. П., Воробьева Н. В. Русская женская проза на рубеже XX — XXI веков: учебное пособие по спецкурсу / Перм. гос. пед. ун-т. Пермь: Изд-во ПОНИЦАА, 2007. 176 с.
2. Бабенко Н. Г. Новая страница Петербургского текста: поэтика повести Елены Чижовой «Время женщин» // Мир русского слова. 2013. № 1. С. 86-91.
3. Воронцов А. Приговор — вырождение: Обсуждение произведений финалистов премии «Русский буккер — 2009» // Литературная газета. 2009. № 46. С. 5.
4. Пыхтина Ю. Г. Концепция многомирия в романе Е. Чижовой «Время женщин» // Вестник оренбургского государственного университета. 2015. № 11 (186). С. 47–51.
5. Фролова Г. А., Прохорова Т. Г. Проблема памяти и беспамятства в романах Е. Чижовой «Время женщин» и О. Славниковой «Стрекоза, увеличенная до размеров собаки» // Филология и культура. 2013. №3 (33). С. 220–223.
6. Погорелая Е. В поисках озвученного времени // Вопросы литературы. 2010. № 3. С. 255–271.
7. Булкина И. Время Чижовой // Знамя. 2011. №2. С.202–205.
8. Терентьева Е. В., Лисова Е. Ю. Фигуры интертекста в романе Е. Чижовой «Терракотовая старуха» // Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания». 2015. №5. С. 63–64.
9. Чижова Е. С. Терракотовая старуха. М.: Изд-во АСТ, 2013. 411с.
10. Панин Л., Чижова Е. Терракотовая старуха. Волки или овцы // Знамя. 2012. №2. С. 36–39.

CHOOSING a LIFE PATH in the NOVEL E. S. CHIZHOVA
“TERRACOTTA OLD WOMEN”

Elena P. Beryozkina

candidate of philological sciences,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
6 Ranzhurova Str., Ulan-Ude 670000, Russia
E-mail: beryozkina-lena@yandex.ru

Lydmila G. Grigorieva

teacher of Russian language and literature
MBOU «SOSH Turkinskie»
6 Ranzhurova Str., Ulan-Ude 670000, Russia
E-mail: grig-1g@mail.ru

The article reveals the choice of the life path of the heroine of the novel by the modern writer Elena Chizhova "Terracotta woman". At the beginning of the explanation of the symbolic title of the work through the grotesque image of the statues of the Hellenistic period. Describes the semantics of the two epigraphs, which refer the reader to the Russian classics: F. M. Dostoevsky and L. N. Tolstoy. The author reveals the image of Tatiana—a teacher of Russian language and literature, a person educated on high spiritual values of Russian literature, aware of the importance of the word and its impact on people. Historical and living conditions have repeatedly put her in front of a choice: to become a winner or loser, to lose conscience or save. There is a change in the gender roles of the main character. But every time a moral choice was made by the heroes of the Russian classics: Pushkin and Dostoevsky.

Keywords: The novel E. S. Chizhova «Terracotta old woman»; the choice is moral; the Russian classics; intertextuality; psychology; reflection; spiritual values.